

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ
МРАМОРНЫЙ РАЙ

 ПУТЕШЕСТВИЕ СЕРИИ

Сергей Борисович Кузнецов
Мраморный рай
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=650355
Сергей Кузнецов. Мраморный рай: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-072324-9, 978-5-271-33448-1*

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец: то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Роман, не похожий ни на одну другую книгу «Вселенной Метро 2033». Сюжет, выстроенный так, что способен запутать даже самого опытного читателя. История мощная и трогательная. Герой, который войдет в анналы постъядерного мира, изменив его навеки. Сергей Кузнецов писал, ни на кого не оглядываясь. Получилась настоящая Книга.

Содержание

«Вселенная Метро 2033» расширяется	4
Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Кузнецов

Мраморный рай

Светлой памяти отца посвящает автор

«Вселенная Метро 2033» расширяется **Объяснительная записка Дмитрия Глуховского**

Спасибо вам!

Спасибо, потому что вы в нас поверили и поддерживаете.

Именно благодаря вам «Вселенная Метро 2033» стала одной из самых успешных книжных серий в Европе. Всего за полгода тираж книг «Вселенной» добрался до полумиллиона.

Идея, к которой все, с кем я советовался год назад, относились скептически – как это можно превратить успех одной книги от одного определенного автора в успех целой серии, которую вместе пишут сразу многие, – работает! Работает, потому что те, кто читает «Метро», потому что *вы* – поверили в нее.

«Мраморный рай» Сергея Кузнецова – шестая книга в серии. Книга необычная по многим причинам. В ней рассказывается не только о Москве, о которой мы уже читали и знаем, но и о Подмоскovie.

Те читатели, которым для запойного чтения не хватает одного острого сюжета, найдут в этой книге то, что искали. И драму, и чувства, и интересный язык. Своеобычных, непохожих на других героев. Живых людей. Эта книга бьет точно в сердце и запоминается.

«Вселенная Метро 2033» все еще очень молода. Что такое какие-то шесть книг? В наших планах – развивать и открывать этот мир дальше. Скоро вы узнаете судьбу других городов – Самары, Киева, Минска – и стран дальнего зарубежья.

Да! Сейчас роман «Метро 2033: Британия» пишет английский автор Грант МакМастер. Скоро книга будет готова, и мы переведем ее на русский язык. За ним последуют писатели из Франции, Италии, США, Германии, которые будут писать о своих странах.

«Вселенная Метро 2033» постепенно превращается в настоящий мир.

К нашему проекту уже присоединилось достаточно писателей, чтобы мы могли выпускать новую книгу каждый месяц. Работы будет много, но мы постараемся держать взятый темп.

В общем, планов – громадьё! Следите за новостями!

Дмитрий Глуховский

Пролог

Когда-то давно, много лет назад, здесь был город.

Обыкновенный областной городишко не из крупных. Простые его жители, культурные и не очень, вели размеренную, несуетную жизнь, умели радоваться и огорчаться, растили детей, работали и бездельничали, пили и воздерживались... Они, как могли, строили свою жизнь и свой город. Кто-то находил занятие здесь, другие ездили на работу в Москву, костеря на чем свет стоит расписание электричек и переполненные вагоны, тратя ежедневно на дорогу по многу часов.

Город утопал в зелени и радовал глаз уютом дворов, скверов и палисадников; был очень красив бабьим летом, укутанный во все оттенки желтого и красного; поздней осенью и зимой серел, скучнел, но все равно сохранял свою особую теплоту и неторопливость. В зимние длинные вечера в домах зажигались огни, на улицах медленно разгорались гирлянды фонарей, и город с высоты птичьего полета виделся большой новогодней елкой.

Теперь...

Теперь города не было. Осталось нелепое нагромождение коробок жилых домов с покинутыми квартирами, выбитыми стеклами, оторванными дверьми; провисшие провода между покосившимися, а иногда поваленными столбами электропередачи; разрушенные здания с разорванными стенами, с торчащими костями арматуры, все в лишайнике и зелено-бурым мхе... Сквозь взломанный асфальт проросли трава и кустарник; детские площадки скрылись под высоким бурьяном. Летом в пыльной зелени рыжели ржавчиной брошенные легковые автомобили, автобусы, грузовики. Все, что могло сгнить, разрушиться, рассыпаться за эти годы, – сгнило, разрушилось, рассыпалось.

Сейчас дома были укрыты тонким слоем выпавшего прошлой ночью первого снега. Странного снега – серо-голубого. Но и снег не скрадывал уродства мира.

У мертвого города появились новые, жуткие обитатели. Людей здесь давно уже не осталось. Кроме одного...

По городу-призраку, шатаясь, словно пьяный, шел человек.

Темно-синий костюм химзащиты на нем был серьезно поврежден: по спине три глубокие, обмазанные кровью борозды протянулись от плеч к пояснице, будто три остро отточенных клинка ударили разом, распоров костюм, теплую меховую куртку, свитер и добравшись до тела. На груди и на левом боку человека тоже виднелись раны. Правое плечо и рука были залиты багровым, но, возможно, это была чужая кровь. Целым оставались только шлем из прочного пластика и респиратор – импортный, дорогой.

Человек дышал тяжело и прерывисто, брел странными зигзагами, и со стороны могло показаться, что он движется бесцельно. Однако цель была: как можно скорее покинуть это страшное место, добраться до военного института, на подземных уровнях которого, как он слышал, могут оставаться люди. В этом было его спасение... Его единственное спасение. Только бы дойти...

Человек пытался сосредоточиться, вспомнить, понять: кто на него напал? С кем он дрался?

Что-то огромное, стремительное и яростное, обладающее чудовищной силой... Один бросился на него сзади, располосовал когтями костюм, одежду и... черт, как болит спина! Кровь уходит... Самому такие раны не зашить. А если на когтях зверя был яд... Вторая тварь выбила из руки пистолет и следующим ударом обязательно оторвала бы башку, если бы не армейский нож – кей-кей, кинжал коммандос, размером чуть меньше мачете, с одним

зазубренным краем, – который человек вогнал в монстра и провернул пару раз. Кажется, после этого они поостыли и... отступили? Что произошло потом?

Он не помнил. Мысли путались.

Как он оказался в городе? Когда? Зачем?

Человек не мог ответить ни на один вопрос. Помнил схватку, но когда пытался восстановить в памяти облик тварей – лишь бессильно скрежетал зубами. После того как твари ушли (посчитали, что он не жилец? почему не сожрали?), он, наверное, какое-то время был в беспамятстве. Осознал себя уже бредущим по городу.

Человек несколько раз падал от усталости, недолго лежал без движения, пытаясь перевести дух, но каждый раз, поднимаясь, тратил сил больше, чем накапливал за короткий перерыв.

На город опускались сумерки. Человек тревожно озирался.

Правая рука в изодранной перчатке скользнула под защитный костюм и легла на рукоять кей-кей, висевшего на поясе куртки в коротких ножнах. Ему слышались, а может быть, только чудились звуки, от которых кровь стыла в жилах: вой, поскуливание, рычание, а иногда чавканье и короткий яростный рык, словно неведомые звери дрались за добычу.

Человек оглядывался испуганно, но вокруг не было ни души.

Поднялся ветер, пошел снег.

С каждым шагом сил оставалось все меньше, но человек уже не мог позволить себе остановиться на пару минут, чтобы перевести дух, – следовало спешить. Если еще час назад спину саднило, но теперь раны причиняли жгучую боль; временами ему казалось, что в них копошатся какие-то насекомые... Человек рычал и передергивал плечами. К тому же с наступлением сумерек температура воздуха понизилась и холод добирался до тела сквозь распоротый комбинезон.

Окружающие предметы плыли и двоились – отказывало зрение. Человек теперь едва волочил ноги, ставшие деревянными и не желавшие слушаться.

Он вдруг отчетливо услышал чью-то речь и как автомат повернул на голос... Лишь чтобы убедиться: никаких людей здесь нет и быть не может. Но сумрак вокруг шипел, рычал, скулил, и звуки эти становились все ближе...

Он почти выбрался из города.

Стемнело.

Рука сжала рукоять армейского ножа.

Человек оступися на вздыбленном асфальте и, неловко повернувшись, рухнул на спину. Звуки, окружавшие его, на мгновение замерли, и в этой тишине он услышал, как что-то противно хрустнуло в левой руке. Боль пришла с запозданием – тупая, усталая.

Энергии не осталось. Несколько раз, как перевернутый на спину жук, он пошевелил конечностями, пытаясь подняться или хотя бы перевернуться, и тем израсходовал ничтожный остаток сил. Он не смог даже вытащить кей-кей, и это было обидно: можно попытаться утащить с собой хотя бы одну тварь...

Зрение туманилось, но он успел еще увидеть, как из ближайших зарослей, пригнувшись, осторожно вышло большое серое животное с полукрысиной-полуволчьей мордой, оскалило клыки, зарычало и двинулось к нему.

Человек потерял сознание.

Часть первая

Изгнание из ада

Никогда не бывает так плохо, чтобы не могло быть еще хуже.
М. Веллер

Глава 1

В этот раз караванщики нарушили главное правило: не приходите ночью.

Когда с той стороны ворот центрального шлюза раздался условный стук, означавший «пришел караван», бодрствующий часовой даже не сразу сообразил, что это за звук. Хронометра на посту не имелось, но у часового было собственное отличное чувство времени, которое подсказывало, что сейчас не более трех часов пополуночи, следовательно, никаких визитеров быть не должно.

Стук повторился.

Часовой толкнул напарника – тот дремал, сидя на ящиках и вытянув ноги, положив одну руку на автомат, едва слышно посвистывая во сне. Напарник открыл глаза.

– У нас гости, – сказал первый часовой.

– Ка... какие гости? Об эту пору? – обалдело спросил напарник, и тут оба они услышали другой позывной, означавший, что в караване раненый.

– Беги к старшему, – сказал первый часовой. – Пусть дает команду впустить... Нештатная ситуация... На себя не возьмем... Ночью, да еще раненый... Черт их знает, какую заразу могут занести!

Словно в ответ на его слова, с той стороны ворот морзянкой отстучали, что опасности для колонии нет.

– А если врут? – рассудительно сказал первый часовой. – Беги.

И стукнул в ответ: «ждите».

Вопрос решился быстро: визиты караванщиков были важны для Общины, так что старший смены принял решение впустить группу, пусть даже с раненым. На всякий случай он отрядил на пост, для сопровождения визитеров, двоих вооруженных людей: ситуация-то действительно была штатная, ночью караваны никогда не приходили, да еще с раненым. Сделал он это скрепя сердце – мужчины колонии сильно уставали, разрываясь между работами на подсобном хозяйстве, вылазками на поверхность, дежурствами у ворот и прочими заботами, спали мало; теперь пришлось прервать отдых двоих.

Сначала открылись внешние гермоворота, и в тесное шлюзовое помещение с трудом втиснулась группа людей. В шлюзовую дали неяркий свет, и часовые несколько минут через два больших застекленных глазка изучали визитеров. Удовлетворившись, открыли ворота внутренние. Охранники колонии, с автоматами наперевес, керосиновыми лампами подсвечивали караванщикам дорогу. В помещение потянулись люди: впереди – главный, в крепком, дорогом и надежном костюме химзащиты, в удобном шлеме, в новом респираторе. Следом остальные, в костюмах попроще. Почти все несли мешки, кофры, канистры; трое тащили носилки, на которых лежал крупный мужчина в порванном в нескольких местах и окровавленном костюме.

Караванщики с носилками в сопровождении охраны спустились по лестнице на административный уровень; в тусклом свете керосиновых ламп тени их плыли по стенам, колеблясь, то увеличиваясь в размерах, то исчезая вовсе.

На административном уровне, как и на остальных в это время, было тихо: колония спала. Войдя в длинный коридор, караванщики поставили носилки и прошли в комнату химической обработки, где их костюмы были очищены от радиации, принесенной с поверхности, специальным порошком. Порошок был здешней разработкой, местные химики трудились над ним не один год, зато теперь он пользовался у караванщиков спросом и приносил колонии неплохую прибыль.

Вернувшись в коридор, главный караванщик сказал, обращаясь к сопровождающему гостей офицеру:

– Раненого нужно немедленно в медицинский блок. Он плох, возможно, долго не протянет.

Тот, помедлив, отдал пару отрывистых команд. Процессия разделилась: двое караванщиков с носилками под присмотром сопровождающего двинулись к медицинскому сектору; остальные направились дальше по коридору – в Зал. Это просторное помещение служило тут для проведения всех торгов с караванщиками, для заседаний Совета и выступлений руководства колонии перед гражданами.

* * *

Сергею ужасно не хотелось будить жену, но выбора не было.

– Полина... – Он осторожно погладил ее по плечу. – Милая, просыпайся...

Полина вздохнула во сне. Она уснула всего два часа назад, и больше за эти сутки ей спать не придется... Как несправедливо!

– Нужна твоя помощь... Пожалуйста...

– Папочка, что случилось? Почему ты будишь маму? – услышал Сергей и вздрогнул. Обернувшись, увидел сына – Денис стоял в двух шагах от их постели.

– Это еще что?! – грозным шепотом закричал Сергей, грозя сыну кулаком. – Немедленно в постель! Босиком на холодном полу! В школу с утра!

Денис упрямо насупил брови. Видя, что он собирается повторить вопрос, Сергей понизил голос:

– Ничего не произошло. Заболел тут один, мама нужна в больнице.

Деловито кивнув, сын поплелся к своей постели.

– Иду, – сказала Полина. – Мне просто сон такой хороший снился. Про Ленинскую библиотеку.

Сергей смотрел на нее с нежностью. Никакого намека на то, что минуту назад она крепко спала: ясный взгляд и легкий румянец, как у давно бодрствующего человека.

– Прости, – сказал он. – Я отпирался, как мог, но Хирург требовал только тебя. Говорит, никто не может лучше...

– Приятно, когда так ценят, – сказала жена. – Кто болен?

Сергей наклонился к ее уху – так, чтобы не услышал Денис. Любопытства в мальчике столько же, сколько упрямства, а знать ему все это ни к чему.

– Пришли караванщики... Непонятно, как их впустили ночью. Принесли раненого. Подробностей не знаю, но, кажется, его порвали наверху. Хирург толковал, что с раненым что-то крепко неладно...

Он говорил едва слышно, косясь в сторону постели сына; мальчик лежал неподвижно, дышал ровно и, возможно, уже спал; но Сергей не стал бы ручаться, что Денис сейчас не прислушивается изо всех сил к разговору.

Полина кивнула, потом так же тихо спросила:

– Ты тоже идешь?

Сергей кивнул:

– Будет торговля...

Они быстро собирались, стараясь не шуметь. Чай в древнем побитом термосе был еще теплым, но времени не оставалось, и они решили позавтракать по возвращении.

Выйдя из бокса, они расстались: Полина свернула вбок – поднявшись по ступеням, оказываешься у дверей медицинского блока; Сергей направился дальше по этажу, в сторону дальней лестницы, которая выводила к дверям Зала. Жилой уровень был темен и погружен в сон.

В просторном Зале, скудно освещенном керосиновыми лампами, вот-вот должна была начаться обычная процедура торгов. По одну сторону большого овального стола красного дерева, некогда ухоженного и богато инкрустированного, а ныне потрескавшегося и обшарпанного, сидели представители Совета Общины. Сергей обратил внимание, что Верховный, Петр Савельевич, отсутствует; собственно, в том, что его не стали будить посреди ночи, ничего удивительного не было: Верховному перевалило за семьдесят, он стал тяжел на подъем, спал плохо, а просыпался еще хуже.

Сергей знал, что Верховный все реже покидает свой блок и днем, предпочитая уединение... Шептались, что старик доживает последние деньки. Его место, пихая друг друга локтями, пытаются занять трое членов Совета. Каждый из них пытается склонить колонистов на свою сторону нехитрыми уловками... Все они сейчас были тут как тут. Половина стола с их стороны и пол вокруг были уставлены товаром и продуктами, производимыми в лабораториях, мастерских и парниковых хозяйствах колонии.

По другую сторону расположились четверо караванщиков. В центре сидел главный, имеющий прозвище Джедай, – звучная кличка, почерпнутая из старого кино. О дальних походах его каравана и битвах с неведомыми чудовищами ходили легенды, но сам Джедай распространяться на эту тему не любил. Колонистов он терпеть не мог и называл их серыми крысами. О метро говорил презрительно либо с насмешкой, и всегда подчеркивал, что настоящий мужчина должен жить и умереть свободным, на земле, под небом... Даже таким, какое оно сейчас. Внешность его была под стать характеру: могучее тело, большая, наголо обритая голова, глаза темные, взгляд стальной, узкие губы, давний и глубокий шрам на левой щеке.

Справа от него сидели два его сына, такие же суровые, как отец, – погодки, парни семнадцати и шестнадцати лет. Мать их умерла давно. Поговаривали, погибла, а Джедай не сумел ее спасти; впрочем, доподлинно никто ничего не знал.

По левую руку находился единственный друг и помощник Джедая, имевший незамысловатое русское имя Василий; внешне он выглядел простым, добродушным увальнем, рубашкой-парнем. Но впечатление было обманчивым: те, кто Василию переходил дорогу, редко оставались живыми и здоровыми. «Этот мир жесток и страшен. И выжить в нем могут только люди жестокие и страшные». Из приказок Джедая.

Простые караванщики расположились вдоль стены прямо на полу. Тяжелый запах давно не мытых тел висел в воздухе. Сергей обвел ночных визитеров взглядом и задержался на одном: худой, щуплый; черные, грязные, свалявшиеся паклей волосы закрывают лицо. Он сидел на полу, подобрав ноги, в стороне от остальных и только время от времени бросал на окружающих короткие взгляды исподлобья.

Стороны присматривались, примеривались друг к другу, молча оценивали товар. В торгах, как и в любом другом деле, была своя тактика, свои тонкости и хитрости. Фиксированных цен ни на один вид товара установлено не было, их определяли непосредственно в процессе торга. Колония предлагала синтетические продукты и овощи, выращенные в парниковых хозяйствах на обеззараженной почве, которую приносили с поверхности и подвергали очистке в лаборатории. Здесь же были разложены вещи из пошивочной мастерской (материалы для их изготовления стремительно таяли, так что цена росла) и холодное оружие

из слесарного. Металла для его производства пока было в достатке, да только не каждый умеет из куска стали выточить мачете.

Караванщики выставили на продажу несколько костюмов химзащиты – не бог весть каких, но по виду еще вполне крепких, чекушки с керосином, огнестрельное оружие и патроны, несколько рулонов хлопчатобумажной ткани (последнее было очень кстати: вещи из пошивочного продавались хорошо). Кроме этого, на столе перед Джедаем маленькой горкой лежало несколько устрашающего вида фигурок из кости какого-то животного. Именно они в первую очередь привлекли внимание Валентина Валентиновича, бывшего полковника внутренних войск, человека, особенно рьяно рвавшегося занять место Верховного... когда оно освободится.

– Что это? – спросил он у Джедая, указывая на фигурки.

– Амулеты, – помолчав, коротко ответил тот.

– Из чего сделаны?

– Из клыка... – Второе слово Сергей не разобрал – что-то связанное с удочкой.

– Действуют?

На этот раз ответа не последовало. Но напористый Валентин Валентинович не отставал:

– Продаете? – И снова молчание. – Если не продаете – зачем выставили?..

Джедай со скучающим видом отвернулся, Василий клевал носом (или делал вид), младший сын Джедая с интересом осматривался: в колонию он попал второй раз в жизни, а в Зал – вообще в первый. Старший же внезапно подался вперед и ткнул пальцем в аккуратно разложенные на небольшом куске ткани кубики коричневого цвета.

– Еда? – спросил он.

Вопрос был, скорее, риторическим: в этой части стола принимающая сторона разложила синтетические продукты, не только обладающие ничтожными вкусовыми качествами, но и весьма вредные для организма. Хотя кто в нашем мире позволит себе рассуждать о вреде пищи? ... Нечто, напоминающее хлеб, нечто, напоминающее масло, нечто, напоминающее макароны... Рядом с макаронами лежали кубики, вызвавшие любопытство парня.

Валентин Валентинович повернулся к соседу. Профессор Скрынников, химик, биолог, ученый, одним словом – это с первого взгляда по нему видно, – высокий, с вечно взъерошенной копной седых непослушных волос, в очках с одним треснутым стеклом и дужкой, замотанной в месте слома куском шнура, мятый, неопрятный и *пахнувший* не лучше караванщиков (но они-то хоть бродяги, неделями в пути!), с высокомерным выражением наклонил голову и нараспев произнес:

– Еда, мальчик.

– Какая?

Скрынников, держа паузу, ухмыльнулся одними уголками губ, слегка презрительно – дескать, ребенок, что с него возьмешь?.. За мгновение до ответа Сергей пригляделся к кубикам, догадался, что это, и ощутил потрясение. Он не знал, что химики так далеко продвинулись... в отдельных областях. Ему захотелось закрыть ладонями уши, чтобы не слышать, что скажет Скрынников, но он не успел.

– *Шоколад*, – сказал Скрынников.

Он произнес короткое и страшное слово ровно тем тоном, каким следовало, чтобы на некоторое время заставить всех в Зале замереть.

Конечно, что такое *шоколад*, знали все. Кое-кто из присутствующих – по рассказам, похожим на волшебные сказки или поэмы; но многие пробовали шоколад, да что там – пробовали... *ели* его. Было это очень давно, но воспоминания как об одном из самых ярких чудес бережно хранились в памяти людей.

Оба мальчика теперь не мигая глядели на темные кубики. Джедай косился на них; Василий открыл один глаз и уставился им на предмет общего интереса.

Надо отдать старшему сыну Джедая должное: он почти не выдал своих чувств. Только поинтересовался – как можно небрежнее, но ломающийся голосок предательски дрогнул:

– Настоящий?

– Ну что ты! – тут же вступил Аркадий Борисович, бывший банкир, ас торговли, хитрец, изворотливая бестия. – Откуда же тут взяться настоящему шоколаду? Для настоящего нужна Африка, плантации, негры, какао-бобы. А это обман, подделка...

Надеюсь, он знает, что делает, с легким беспокойством подумал Сергей.

– ...но по вкусу, – подхватил Скрынников, и Сергей понял, что они заранее распределили роли, предполагая подобную ситуацию, – он очень похож на настоящий. Так похож, что... – И неопределенно покрутил в воздухе рукой.

Парень скривился презрительно и сделал вид, что утратил к товару всякий интерес, но... только слепец не увидел бы, подумал Сергей, как горят глаза парнишки, какие взгляды бросает он украдкой в сторону странного продукта, о котором столько слышал, но никогда не пробовал.

– Что вы хотите за шоколад? – спросил Джедай.

Три головы членов Совета Общины – военного, ученого и банкира – склонились друг к другу.

И в этот момент гудящий негромкими голосами караванщиков воздух зала прорезал новый звук: истерический плач.

Сергей поднялся первым; взгляд его метнулся по караванщикам, сидящим у стены и обеспокоенно зашевелившимся (многие к тому моменту уже дремали), и остановился на маленьком человеке, сидевшем отдельно. С бесконечным удивлением Сергей наконец понял, что это женщина.

Она громко, с подвываниями, рыдала, закрыв лицо руками.

Сергей подался к ней.

– Заткнись! – прикрикнул на нее кто-то из караванщиков и грубо выругался.

Сергей опустился у стены на пол рядом с плачущей. Некоторое время собирался с мыслями, не зная, что сказать, как успокоить. Он вообще давно не видел женских слез, тем более – истерики, и это было так... странно...

– Послушайте... – наконец решился он, – не надо так, ну что ты...

– Отстань! – с неожиданной злобой, сквозь всхлипывания, низким хриловатым голосом выкрикнула женщина.

Он совсем растерялся.

– Да я помочь хотел... Как-нибудь...

– Отвали, – сказала она глухо. – Тут тебе ничего не обломится.

Несколько караванщиков, прислушивающихся к их разговору, неприятно засмеялись.

– Да мне ничего и не нужно, – сухо сказал Сергей, поднялся и направился к своему месту.

* * *

Денис почти всегда спал без сновидений. Исключение составляли редкие тревожные полусны, на волнах которых он качался, порой погружаясь глубоко, порой выныривая к самой поверхности яви. В них были комнаты и бесконечные коридоры с серыми стенами; коридоры не имели ни начала, ни конца, по ним можно было бежать или плестись – но выбраться из них у Дениса никогда не выходило. Комнаты были большими, не в пример их жилому боксу, но мрачными, очертания стен в них скрывались неприятной белесой дымкой.

То из одного, то из другого угла комнаты долетали негромкие, но такие страшные звуки, что от них леденела кровь. Вне зависимости от того, находился он в комнате или в коридоре в этом своем сне, мальчика не покидало ощущение опасности, смешанной с тоскливой безнадежностью: где бы ты ни находился, он отыщет тебя. Берегись.

Две недели назад мама вернулась с очередного медицинского обследования бледная и расстроенная. Они с папой сели шептаться. Денису в это время полагалось делать уроки, а если он закончил, читать, но «Робинзон Крузо» ему изрядно надоел, а потрепанная, без половины страниц книжка о приключениях Незнайки раздражала. Где он, этот Солнечный город? Был ли когда?.. Вопрос, очень занимавший мальчика прежде, теперь утратил актуальность. Гораздо любопытнее, о чем шепчутся родители. Он стал *слушать*.

Если слушать так, как это делают обычные люди, то есть напрягшись и наострившись, то, во-первых, родители это обязательно заметят, пристыдят, а то и отправят гулять в коридор – там, конечно, тоже интересно, но не так; во-вторых, ничего не поймешь: они говорили едва слышно, склонив головы друг к другу. Но Денис давно уже понял про себя, что кое-какие вещи он умеет делать не как другие-прочие, а... иначе. Лучше. Например, у него развит особый слух. Умный дядя Хирург, который всегда угощает чем-то вкусным, называл эту Денисову способность *ментальным слухом*, но что это значило, Денис так и не понял. Зато научился этой своей способностью пользоваться.

Мальчик закрывает глаза, расслабляется и как бы взмывает вверх без малейших усилий и каких-либо видимых движений. Он направляется туда, куда ему нужно, в данном случае – в сторону родителей, обсуждающих некие важные вопросы...

В этот раз чудесная способность почему-то не сработала. Или он скверно настроился, или мама и папа общались так, что даже своим *ментальным слухом* он не сумел ничего уловить. Промучившись какое-то время, Денис пытался читать про ненавистного Незнайку и сам не заметил, как задремал.

Закачавшись на волнах легкого полусна, он увидел девочку. Спокойное, чистое, милое лицо, русые волосы, зеленые глаза, веснушки и смешной нос кнопкой. Родинка у правого уголка губ. Девочка ничего не говорила, просто смотрела на него. Несколько минут спустя лицо ее стало таять, растворяться, исчезать, а на ее месте проступила серая стена коридора, и Дениса мгновенно бросило в жар от тревожного предчувствия.

Следующие тринадцать ночей сновидений не было.

Сегодня, когда, нарушив главное правило, к ним среди ночи явились караванщики и Денис, отпустив родителей, на короткое время заснул вновь, он во второй раз встретился с девочкой.

То же милое лицо, которое уже Денису нравилось, серьезный взгляд и веснушки. Она долго смотрела на Дениса. И он смотрел на нее, не в силах оторвать взгляд. Потом она вдруг сказала: «Ты нужен. Просыпайся». Голос ему понравился. Больше она ничего не добавила; лицо ее, как и в прошлый раз, начало таять. Но Денис не расстроился. Он сейчас же проснулся. Раз девочка сказала, что он нужен, наверное, так и было – врать она бы не стала.

Проснувшись, он вспомнил, что родителей в комнате нет – можно не осторожничать. Оделся и, уже выходя в коридор, точно знал, куда должен направиться.

А в том месте, куда он держал путь – в медицинском блоке, – была суeta. В ярко, насколько это вообще возможно в колонии, освещенном помещении, служившем и операционной, и процедурной, на столе глыбой лежал человек, а рядом с ним сновали трое: Хирург, медбрат и Денискина мама – Полина.

Если медбрата еще иногда называли по имени – Яшей, Яковом, – то Хирург был всегда исключительно Хирургом даже вне больничных покоев.

На первоначальной стадии все шло как обычно: одежду срезали, оставив пациента в белье, приступили к стандартным манипуляциям по реанимации, по проверке работы основ-

ных органов... Теми инструментами, которые были в наличии, и теми методами, которые тут уже годами нарабатывались. У нового мира и риски для здоровья не те, что раньше, и медицина другая. Рутинные процедуры, в общем...

Однако после того, как с большим трудом удалось перевернуть раненого на живот...

– Больше света, – негромко сказал Хирург, наклоняясь над тремя глубокими вертикальными ранами на спине лежащего.

Полина и Яков, взяв каждый по керосиновой лампе, встали справа и слева от Хирурга. Тот прислушался и сказал, нахмурившись:

– Ближе ко мне. Лампы ниже.

Медбрат с недоумением и опаской посмотрел на Полину, как бы говоря: не обожжем раненого?

Хирург почти сунул нос в одну из борозд на спине лежащего... И тут же выпрямился. Казалось, он был поражен увиденным... Неприятно поражен. Да что могло понравиться в этих ранах?

Хирург достал из побитой металлической ванночки со слабым спиртовым раствором (спирт здесь был на вес золота) пинцет и, далеко отнеся руку, начал медленно опускать инструмент в рану. Пробормотал:

– Осторожно...

Яков и Полина переглянулись.

Хирург что-то зацепил в ране и потянул – но оно не хотело выходить. Хирург вынул окровавленный, но пустой пинцет из раны и выпрямился. Лоб его покрылся испариной, руки чуть дрожали. Он посмотрел на Полину, потом на Якова и пробормотал, ни к кому не обращаясь:

– Сложнее, чем я думал...

Денис поднялся по лестнице и, выйдя в коридор, побрел в сторону медицинского блока. Уверенности в нем поубавилось, к тому же очень хотелось спать. Сейчас бы он не поручился, что несколько минут назад видел во сне девочку, которая сказала, что он должен проснуться и идти куда-то. Ему было одиноко и страшно.

– Попробуем еще раз, – сказал Хирург. – Свет!

Яков и Полина снова сблизил две лампы и наклонили их над раной. Полину, вопреки обычному, замутило, и смотреть в рану она не могла. Хирург аккуратно погрузил в рану пинцет и ухватил что-то. Мельком глянув на него, Полина увидела, что Хирург напрягся, покраснел, на лице заблестели крупные капли пота. Он потянул. Раненый страшно замычал. Лампа в руке Якова дрогнула.

С неприятным чавкающим звуком Хирург извлек из раны крупный окровавленный предмет и поднес к лампе, которую держала Полина.

– Что за... – начал Яков.

– Неси лупу, – потребовал Хирург.

Денис замедлил шаги. Отсюда была прекрасно видна полутемная комната, в центре которой на столе, обнаженное по пояс, лежало большое, мускулистое тело мужчины. И что, подумал мальчик, надо делать дальше? Он даже огляделся по сторонам, словно ожидая, будто некто мудрый, находящийся рядом, ответит. Но никого, разумеется, поблизости не оказалось.

Это был не предмет. Губки пинцета зажимали довольно крупное, устрашающего вида мохнатое черное насекомое, нечто среднее между шмелем и мухой, с крепкими крылышками, четырьмя цепкими лапками, на которых были как будто даже видны коготки, и парой выступающих вперед жутких костяных жвал.

– Фауна борется за выживание, как может... – пробормотал Хирург, разглядывая страшное насекомое, поворачивая пинцет под лупой, которую держал Яков трясущейся рукой, так и эдак. – Заморозки, видишь... Жучки в тепло пытаются забиться... В мясо... Если на жвалах был яд, вряд ли мы сумеем помочь этому несчастному...

Словно в ответ на его слова, жвала зашевелились.

– Оно живое! – хрипло сказал Яков.

– Поддай-ка вон ту банку, – деловито распорядился Хирург.

– Оно там одно? – спросила Полина.

– Выясним, – сказал Хирург и, опустив насекомое в банку, завернул жестяную крышку.

– Не вырвется? – с опаской спросил Яков.

– Пусть попробует... Продолжим, коллеги?

Денис закрыл глаза – и его внутренний человечек, невидимый и невесомый, выскользнул на волю и полетел вперед, туда, где трое людей суетились вокруг четвертого, раненого. Благодаря этому человечку-мотыльку Денис не только прекрасно видел и слышал все, что происходило в медблоке, но даже немного разбирался в мыслях и настроениях находящихся там людей.

Вот мама. Она очень больна, едва держится на ногах. Ей нужно домой, лечь. Но она не может уйти, понимая, что на нее рассчитывают остальные. Тот, что помоложе, дядя Яша, напуган; то и дело оборачивается на стеклянную банку, стоящую на столе. В банке шевелится... что-то. Второй мужчина, постарше – дядя Хирург, – не боится. Он собран и деловит. И еще любопытен. Когда-нибудь любопытство его погубит...

Последний, раненый, на столе. Очень плох. Мало того что его подрали... *не видно, непонятно, отрывочно*... так еще и яду напустили эти... Вторую сейчас достал пинцетом из раны дядя Хирург. Всего их три. Их яд воздействовал на... Голову? Чем помочь? Как не допустить, чтобы раненый погиб?

Мальчик в коридоре зажмурился и сжал кулачки.

И в тот момент, когда Хирург, достав из раны последнюю тварь, отошел, Полина присела на стул (ноги от напряжения не держали ее вовсе), а Яков отвлекся на банку, человек на столе вдруг немыслимым образом изогнулся – и заревел трубно, напугав медиков.

Не умрет, донес человечек-мотылек. Теперь точно не умрет.

Денис открыл глаза.

Полина, еще не придя в себя от страшного крика раненого, с беспокойством вгляделась в темное пространство коридора за полуоткрытой дверью медицинского блока. Ей показалось, что она увидела там сына. Она даже сделала несколько шагов к выходу.

– Денис?

Человечек-мотылек возвратился, и Денис поспешно отступал к лестнице. Очень хотелось спать. Но главное: он сумел помочь. Сам не знал, как, да это было и не важно, но сумел.

– Сынок, это ты?

– Полина, – сказал Хирург. – Мы не закончили. Сейчас обрабатываем раны и перевязываем...

– Мне кажется, – неуверенно сказала она, – там мой Дениска...

– Откуда ему взяться? Спит твой Дениска. Посвети лучше.

Но она еще почти минуту вглядывалась в темноту коридора, пока не удостоверилась, что там действительно никого нет.

Торги завершились под утро. Большинство караванщиков к этому времени спали прямо на полу. Запах в Зале стоял такой, что глаза Сергея слезились, и он покашливал.

Джедай все-таки купил «шоколад» за свиную колбасу, добытую в метро на «Речном вокзале», и патроны; был взбешен ценой, но вида старался не показывать.

Василий ушел в самый дальний угол, уселся на пол и, прислонив голову к стене, задремал. Почти сразу к нему присоединился младший Джедаев сын, привалился, устроился поудобнее и тоже закрыл глаза. Не спали только сам Джедай, его старший, трое членов Совета Общины, Сергей, да странная женщина, пришедшая с караваном. На протяжении всех торгов она то и дело принималась плакать – но теперь почти беззвучно.

Аркадий Борисович жадно расспрашивал Джедая о том, что видели караванщики в дороге, о том, какая жизнь на Ганзе, какая в Полисе. Тот отвечал скупой, сквозь зубы – все не мог простить себе слабости, которую проявил при покупке «шоколада». Добиться красочного, подробного рассказа банкир так и не сумел.

Сидевший рядом с членами Совета Сергей следил за их разговором невнимательно: все его мысли занимала женщина, так нагло и зло его отшившая. Однако ни малейшей обиды на женщину в нем не было. Напротив, Сергей все еще жалел ее и хотел бы хоть чем-нибудь помочь.

– Кто она? – спросил он Джедая, вклинившись в разговор и кивая в сторону женщины.

– Сумасшедшая сука, – отрезал караванщик.

Сергей молчал, ожидая продолжения.

– Прибилась к нам три дня назад, – сказал Джедай. – Толку от нее нет. Поклажу нести не может, устает. Стрелять не умеет. Парни пробовали... – он сделал неопределенный жест лапицей, – так стала кусаться, царапаться, вцепилась в лицо и чуть не оставила без глаз... Куда там вашим волкокрысам...

– Не знаем, что с ней делать, – добавил старший сын.

Валентин Валентинович заволновался, с подозрением косясь на Сергея.

– Ты прекрати! Вижу – что-то задумал!.. Добреньким хочешь быть, понимаю, но я не позволю. Никто не позволит... Лишний рот, знаешь ли...

– Лишний работник, прежде всего, – сказал Сергей. – Как зовут ее?

Джедай едва заметно пожал плечами.

– Сергей, учти: урежем рацион вашей семьи! – не унимался Валентин Валентинович. – За свой счет кормить ее будешь! У нас непредвиденный едок – тот раненый, когда-то еще работать сможет, а жрать такому слону много надо!

– Нельзя этого, – сказал Сергей. – Она с караваном пропадет.

– А толку от нее, как от бабы, все равно нет, – сказал Джедай. – Захочет остаться – забирайте.

– Сергей! – зашипел Валентин Валентинович, но тот уже направился к женщине.

Она при его приближении напряглась и сразу перестала плакать. Сергей сел рядом с ней на пол.

– Тебя как звать? – спросил он.

– Ди... Динара... Дина, – несмело, но вполне мирно ответила та.

– А меня Сергей. – Он мельком глянул в сторону мужчин: пять пар глаз внимательно наблюдали за ними. – Хочешь остаться здесь, Дина?

Она недоверчиво посмотрела на него.

– Нужно будет работать, – продолжал Сергей, – здесь все работают. Но это все же лучше, чем идти с караваном. Тут тебя никто не обидит. До утра осталось несколько часов. Я организую место для сна, а днем подумаем, куда тебя поселить.

Он снова посмотрел на сидящих поодаль мужчин. Валентин Валентинович качал головой, банкир ухмылялся, Скрынникову, казалось, было все равно.

Ничего, подумал Сергей, ничего... Все правильно.

Глава 2

Сейчас уже практически невозможно восстановить хронологию событий, которые привели к образованию Общины в нынешнем ее виде, – слишком много прошло времени, а записей вести никто не пытался, не до того было.

Известно лишь, что в те страшные дни, когда закончилась прежняя жизнь, слишком многие жители города оказались осведомлены о том, что расположенный на окраине засекреченный «ящик» с пятью своими минусовыми этажами может служить убежищем. Столько народу оборонный институт в любом случае не вместил бы.

Толпы обезумевших от страха людей расстреливались еще на дальних подступах к институту. Да и не с той стороны «ящик» им надо было штурмовать – гермоворота, ведущие на минусовые этажи, находились совсем в другом месте. Однако, по казенной формулировке тогдашнего руководства, была опасность, что вход будет «стихийно обнаружен».

Именно поэтому охране был отдан приказ стрелять на поражение по всем гражданским, которые приближались к объекту ближе, чем на полкилометра.

Люди шли за спасением, за надеждой и получали пулю в живот.

Из тех, кто тогда участвовал в бойне, сегодня в живых почти никого не осталось, хотя среди них было много молодых солдат; для тех же, кто не умер и нашел в себе силы продолжать жить все эти годы, самой, наверное, тяжелой мукой являются сны. Почти все они засыпают с трудом, часто просыпаются ночью, и тела их, испытывая катастрофический недостаток отдыха, быстро изнашиваются.

Тех, кто знал, с какой стороны подобраться к институту, тогда нашлось не так много; оказалось, что, если зайти с правильной стороны, место в Ноевом ковчеге можно было купить. Главное, заплатить – и вот ты уже внутри. Во сколько ты ценишь свою жизнь? Сколько отдашь за жизнь своей любимой девушки? Сына? А если не хватит заплатить за все, что выберешь?

Те, кто слушал рассказы дедов про войну, вещей с собой не брал. Вместо одежды, вместо драгоценностей – консервы и мешки с картошкой, вместо денег – крупа. Едой платили. Нанесли столько, что первое время колония совсем не бедствовала.

Но была и другая плата. Был случай, когда успешный бизнесмен, прихвативший с собой из сейфа кейс с валютой, на входе в бункер понял, что деньги в новом мире обесценились. С военным руководством – пятью здоровыми мужиками – ему пришлось расплатиться красавицей женой и пятнадцатилетней дочерью.

Дочь в семью не вернулась, осталась жить с одним из военных, жена заболела и зачахла, а сам бизнесмен год спустя во время выхода на поверхность отстал от группы, и больше его никто не видел.

Численность колонистов на протяжении многих лет ее существования была плавающей. Иногда она сокращалась: люди умирали – иные от болезней, иные от тоски по небу; мужчины гибли во время рейдов на поверхность. То вдруг начинала активно восполняться: беженцы, отсиживавшиеся по подвалам и коллекторам, приходили целыми семьями. Некоторым из них даже повезло не встретить на своем пути ни одного зверя – и они слушали, раскрыв рты, истории о разного рода чудовищах и воспринимали их, как сказки. Кого-то приводили с собой и просили оставить караванчики, но такое бывало крайне редко.

Спустя несколько лет после конца старого мира военное руководство Общины было смещено. Во вновь избранный Совет вошли ученый, медик, политик, священник, банкир и литератор. Одного военного, правда, решили все же оставить. Председателем избрали Петра Савельевича – социолога, правозащитника, длительное время возглавлявшего комитет по

защите прав беженцев и вынужденных переселенцев. В день избрания Петру Савельевичу исполнилось шестьдесят девять.

Сергей тоже входил в состав Совета, но решающего голоса не имел, а был «наблюдателем от общественности» и выполнял обязанности секретаря на закрытых заседаниях. Кроме того, так уж получилось, что именно ему больше остальных доверял председатель, или, как его прозвали в колонии, Верховный. И эта близость Сергея к Верховному порядком раздражала остальных членов Совета.

До того как забиться в консервную банку убежища и закупориться в ней навсегда, здешние жители, разумеется, входили в разные социальные слои, придерживались совершенно непохожих взглядов на жизнь, отличались вкусами и привычками. А теперь все были одинаковы: без денег, без имущества, без солнца, без будущего. Теперь у них было много общего: крысиная жизнь, несбыточные мечты о возможности дышать ароматами весенней пробуждающейся природы, о купании в прохладной речной воде жарким летом...

Литератор и член Совета Дима сочинял короткие рассказы о любви и жизни людей до Катаклизма. Писал их в старых тетрадках. Рассказами зачитывалась вся колония, особенно женщины.

Бывший повар из французского ресторана (это он предложил Скрынникову попробовать изготовить шоколад – и ведь получилось же!) первые несколько лет старался удивлять колонистов кулинарными изысками, состряпанными чуть ли не из топора, – из безвкусных местных продуктов и отставных консервов. Но потом кем-то из Совета ему было поставлено на вид: не выпендривайся, парень, не до деликатесов сейчас, готовь просто и экономно, шикарных вкусовых качеств никто от тебя не ждет.

Женский парикмахер, оказавшийся в убежище в числе первых, в два счета освоил мужские прически и все эти годы прилежно и аккуратно стрижет всех, кто к нему обращается, в том числе караванщиков. Их-то что стричь – или наголо, или полубокс. Не перед кем красоваться.

В общем, каждый применял в новой жизни все, что знал и умел.

По приспособляемости человек даст фору всем остальным животным.

Раз выжили, раз свела судьба – стали выстраивать друг с другом отношения.

Не имевшие пар – находили, начинали жить вместе, рожали детей.

Работали, сплетничали, интриговали против соседей, обзаводились друзьями и недоброжелателями.

В общем, жизнью не назвать, но существованием – вполне.

Держались любовью, инерцией и мечтой, что однажды смогут вернуться на поверхность.

Молились, чтобы этот день наступил как можно раньше, чтобы хоть сколько-нибудь колонистов... или их потомков смогли увидеть свет солнца.

И по сей день молятся.

* * *

Три дня спустя, во время дежурства Полины, раненый, принесенный караванщиками, впервые открыл глаза. Полина немедленно вызвала Хирурга.

Тот прошелся дозиметром по телу раненого – прибор ни разу не пискнул. Измерил давление: девяносто на шестьдесят, пониженное. Склонился над женщиной.

– Вы меня слышите? – четко выговаривая слова, спросил он. – Кивните, если слышите.

Никакой реакции. Взгляд мужчины был отсутствующим, словно стеклянным.

– Мне не дает покоя один любопытный факт, – повернувшись к Полине, сказал Хирург. – В ту ночь, когда мы вытащили из него этих насекомых. Я еще проверил двух дози-

метром, прибор сходил с ума. Я прошел дозиметром над раной парня, показатели тоже были невеселые. Но в тот момент, когда я достал последнюю тварь, наш пациент выгнулся дугой и заорал.

– Мне еще Дениска привиделся в коридоре...

– Да-да... Но там ведь никого не было?

– Конечно нет. Я и у сына потом спросила. Он сказал, что не выходил из бокса. Спал.

– Так вот, – продолжал Хирург, – я напоследок опять проверил дозиметром нашего героя. Уровень упал. Я еще подумал, что прибор забарахлил. А сейчас ее совсем нет! Но ведь не могло такого быть, чтобы я вытащил зараженных насекомых, а вместе с ними удалил радиацию, это нонсенс! К тому же... Мне кажется, они занесли на своих жвалах в тело парня какой-то яд, и он вообще не должен был выжить.

– Сильный организм? – предположила Полина.

– Чаю, – вдруг сказал за их спинами хриплый низкий голос.

Оба резко обернулись. Человек по-прежнему лежал без движения, его глаза невидяще пялились в потолок.

Хирург подошел и снова наклонился над его лицом.

– Что вы сказали? – спросил он и вдруг понял, что раненый смотрит прямо на него.

– Чаю, – хрипло повторил тот. – Между «купчиком» и «чифирем»... – И медленно прикрыл глаза.

Хирург выпрямился и посмотрел на Полину.

– О чем это он? – спросила та.

– Кое-что проясняется... – пробормотал Хирург и снова взглянул на раненого. – А пациент-то наш в прошлом – сиделец!

– Кто?

– Уголовник. Был в местах заключения. Жаргон выдает. На зоне «купчик» – это, по нашим с тобой меркам, очень крепкий чай. А «чифирь» – последняя степень крепости, достигалась путем вываривания высококонцентрированной заварки. Там у ребят были свои технологии...

– Вы-то откуда все это знаете? – хмыкнув, спросила Полина.

– Поживи с мое... А татуировок-то у него почти нет, похоже, к ворам в законе отношения не имеет. Одна только, – он указал на могучее плечо, выползшее из-под простыни, с полустертой синей надписью «МАХ».

До конца дня раненый больше в себя не приходил.

А ранним утром следующего скончался один из первых жителей колонии, старик, лежавший в соседней крохотной палате.

Иван Трофимович чах и болел весь последний год – или делал вид, разобраться удавалось не всегда. При всем жизнелюбии и активности, почти не уменьшавшихся все годы жизни в колонии, Иван Трофимович, в свои шестьдесят четыре года, начал жаловаться на головные боли, рези в животе, стал мало есть и двигаться, то и дело пропускал работу и дежурство у ворот. Его обследовали и ничего угрожающего не нашли. Когда появились подозрения, что он филонит, с ним несколько раз говорил Сергей и даже вызывал к себе Верховный. Ивана Трофимовича пытались штрафовать, урезать рацион – не работаешь, значит, будешь меньше есть!

Ничего не помогало. Жил он обособленно, за прошедшие годы пару среди местных одиноких женщин – с детьми и бездетных – так и не нашел: не смог или не захотел. Днями пролеживал в своей семиметровой комнатухе, по сотому разу перелистывая старые пожелтевшие журналы и газеты, добытые наверху. Книг не признавал.

Два дня назад сказал Полине: «Уже скоро, дочка. И вас от хлопот освобожу, и сам наверх выйду». Мертвых хоронили всегда наверху.

«Куда это вы собрались?» – притворно рассердилась она, а сама тут же побежала к Хирургу. Тот махнул рукой: опять чудит дед. К такому же выводу пришел Сергей, которому она вечером передала слова старика. Ничего ему не сделается; полежит в больнице еще с недельку, да и к себе в бокс поковыляет восвояси.

А Иван Трофимович возьми да и преставься.

Несколько часов спустя после кончины с покойным простились в Зале (народу собралось немного и все больше пожилые). Молодой священник, отец Серафим, прочел заупокойную. Похоронная команда была к тому времени готова. В нее вошли Сергей, его товарищ и сосед по жилому сектору Марат (бывший водитель какого-то областного князька), начальник сегодняшней смены по охране периметра Владимир Данилович, отец Серафим и Миша – парень, снятый с других работ для участия в похоронах.

Оделись тепло, погрузили тело на носилки, туда же положили лопаты и, как всегда потолкавшись в шлюзовой, выползли на поверхность.

Носилки несли втроем – Миша, Сергей и Марат; покойный неожиданно оказался довольно тяжелым. Владимир Данилович сновал вокруг процессии с автоматом наизготовку. Отец Серафим, бормоча молитвы, семенил рядом с носилками.

Шел крупный серый снег. Небо и земля по цвету почти сравнялись, но позже Сергей все же разглядел разницу: небо имело более темный оттенок, в черноту. Слышались звуки, от которых по коже бежала дрожь: где-то в городе, за домами, кого-то заживо рвали на части.

По чести говоря, видывать порожденных радиацией тварей самому Сергею доводилось редко, вспоминать об этом он не любил, от расспросов старался уходить, а за то, что они ему не снятся, нередко возносил благодарственные молитвы.

Владимир Данилович спросил знаками: все по стандартной процедуре? Сергей кивнул. Путь держали к небольшой церквушке в паре километров от убежища. Странно, но святой дом был единственным в округе местом, которое ни разу за все прошедшие годы не подверглось ни разграблению, ни разрушениям, ни вандализму.

Церковь ветшала, но неспешно: ее просто подмывала река времени; да и ветшание ее протекало как-то красиво, даже величественно: темнели образа внутри, сходило от осадков сусальное золото купола и крестов, кое-где слегка сдвинулась и покосилась ограда, опоясывающая территорию... Но и в новом страшном мире это был божий храм, строгий и спокойный, со смирением принявший все, что натворили люди.

Порядок завели такой: новопреставленного водружали в церкви на лавку, накрывали стареньким вытертым саваном, и отец Серафим читал молитвы. Других покойников, принесенных ранее и отлежавших свое под иконами, летом хоронили в просторном церковном саду – пока места хватало, зимой спускали в холодный подвал и там укладывали друг подле дружки – эти дожидались лета и упокоения в земле. Подвал был холодным, и мертвецы без порчи вылеживали там до тепла.

Сегодня все вроде бы шло как обычно, только в затылке у Сергея засело тревожное ощущение, когда группа входила в церковные ворота. Он оглядывался, но вокруг было спокойно, подозрительные звуки отдалились и теперь почти не были слышны. Вошли, по привычке проверили радиационный фон. Внутри церкви он был значительно ниже уличного, можно было недолго даже и без противогаза подышать. Тело усопшего положили на лавку и накрыли саваном.

И тут Сергей не выдержал, поделился страхом с Владимиром Даниловичем и Маратом. Владимир Данилович немедленно отдал приказ Мише дежурить снаружи, чуть что – открывать огонь.

Отец Серафим в это время, откинув капюшон с защитным шлемом, начал нараспев читать молитву.

– И все-таки, – негромко сказал Марат Сергею, – хотя я и другой веры, а не могу не признать: чудеса у вас, христиан, случаются. Например, почему не разлагаются тела покойников в подвале даже в оттепель? Почему такой низкий фон в церкви?

Отец Серафим на мгновение прервался и с неудовольствием покосился на них. Трое мужчин отошли в сторону, чтобы не мешать.

– Вот ты, Серега, – сказал Марат, – крещеный?

Сергей кивнул.

– Тогда объясни мне, татарину и мусульманину, что происходит? Ладно – подвал, там хоть холодно. Но почему здесь они все лежат, как только что помершие? Вон Зинаида, вон племянник ее, балда, увязался в рейд... Мы их когда принесли?

– Племянник здесь около двух месяцев, – уверенно сказал Владимир Данилович. – А Зинаида хоть его и пережила, но ненадолго: завтра сорок дней.

Он всегда все помнил точно и обстоятельно; Сергей порой удивлялся, как может человек держать в голове столько информации и ничего не забыть и не перепутать.

– Два месяца! – сказал Марат, подняв вверх палец. – А вы подойдите к нему. Даже запаха нет. Чудо? Чудо. А почему? Я думаю, надо было такому кошмару произойти, чтобы чудеса начали случаться. Кто-то наверху пытается наш мир уравновесить.

– Имеет право на существование, – сказал Владимир Данилович. – Но давайте-ка, парни, снесем Зинаиду и ее племянника вниз, пока наш батюшка молитву читает, а то мы...

Он не договорил, потому что снаружи кто-то истошно завопил и грохнули выстрелы.

* * *

Днем, во время работы в парниках на прополке, Полине стало худо: потемнело в глазах, пол под ногами качнулся, воздуха перестало хватать. Полина повела руками вокруг, понимая, что вот-вот упадет. Спасибо товаркам: увидели, подхватили, отвели в сторонку, усадили. Кто-то принес воды. Полина выпила, отдышалась.

– Плохо? – спросила подошедшая бригадирша Женя. Полина через силу кивнула. – Сама до дома дойдешь или провожатых выделить?

– Не надо... – пробормотала Полина. – Я сейчас. Оклемаюсь маленько и работать.

– Да ладно уж, – грубовато-ласково сказала бригадирша, – работница. Нароботаешь еще, успеешь. Иди домой, потихоньку только.

Полина поблагодарила и медленно, с остановками, побрела к себе.

Денис только что вернулся с занятий, с аппетитом уплетал холодную вчерашнюю картошку, принесенную отцом из общей столовой, посыпая солью, закусывая маленькими кусочками черного хлеба и запивая чаем, подсластив его самую малость: таблетки сахара в семье берегли.

Полина легла, вытянулась и замерла, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не застонать, и чувствуя, как внутренности сворачивает жгутом.

– Мама, – позвал Денис. – Ты как?

– Да... ничего, – с усилием ответила она, быстро и незаметно вытирая слезы, катящиеся по щекам. – Немного спину потянула на работе... Папа... не возвращался?

– Я не видел. – Сын доел, аккуратно вытер и убрал посуду, достал из сумки книгу и залег на постель, угнездился рядом с матерью, на Сергеевом месте. – Он пошел наверх?

А Денис ведь ничего не слышал о том, что умер Иван Трофимович, а следовательно, не мог знать, и что Сергей сегодня в похоронной команде. Полина всегда поражалась проницаемости сына – впрочем, это было не самое удивительное из его качеств.

– Может быть, куда-то недалеко... Наверняка пустяковое задание...

Денис кивнул, и у Полины возникло отчетливое ощущение, что сын знает гораздо больше, чем говорит.

– Мама, – попросил Денис. – А расскажи, как вы познакомились с папой.

– Ну ты ведь знаешь, – улыбнулась Полина через силу.

– Я люблю эту историю...

Полина кивнула, былинным тоном завела рассказ. Это была и ее любимая история тоже; самое главное и самое светлое воспоминание о канувшем мире, о сгинувшей жизни, об оборванной молодости. Майский день, когда они познакомились с Сережей. Теплый ветер вдоль Варварки, приятная тень под фронтоном Ленинской библиотеки, нетрудный груз пыльных книг в руке, очередь из щебечущих студентов... Симпатичный парень... Мгновенное чувство: это он. Это навсегда.

Ее вдруг начало клонить в сон; боль медленно отступала, и Полина быстро отключилась, спала около часа без сновидений, а проснувшись – так же внезапно, как заснула, – почувствовала себя отдохнувшей, будто проспала несколько часов. Она не могла бы сказать уже, где закончился ее рассказ сыну, а где началось легкое, волшебное сновидение.

Боли не было.

Полина оглядела комнату. За столом, при свете свечи, Денис что-то писал в тетради, высунув от усердия кончик языка: делал домашнюю работу. Все повторяется, подумала она. Полина очень хорошо помнила себя в этом возрасте. Она хотела сказать сыну, чтобы был поаккуратнее и повнимательнее, но Денис вдруг отвлекся, посмотрел на нее и улыбнулся – так, что ей расхотелось делать ему замечание.

Отпив суррогатного чая, она отправилась в медицинский блок.

В палате раненого было тихо. Мужчина по-прежнему лежал на спине, укрытый простыней: то ли спал, то ли был без сознания. Полина быстро собрала постель покойного Ивана Трофимовича, чтобы отнести в стирку, а потом стала подметать пол. Убралась у покойного, перешла к раненому...

Вдруг каменная лапа легла ей на плечо. Полина вздрогнула и выпрямилась. Раненый смотрел на нее снизу вверх спокойно. Глаза у него были темные.

– Где он?

– Кто?

– Старик из соседней палаты.

– Умер, – сказала она. – Ночью.

– И куда его?

– Наверх, – осторожно ответила Полина, делая шаг назад.

– Жалко, там сожрут...

Он замолчал и стал смотреть в сторону.

– Ваше имя Макс? – спросила Полина.

Он кивнул.

– Максим?

– Макс, – сказал он жестко. – А чай в прошлый раз вы мне так и не сделали.

– Как вы себя чувствуете?

Он снова посмотрел на нее.

– Живой я. Добро это? Добро...

* * *

Владимир Данилович, с автоматом наперевес, выбежал из церкви. Миша жался к стене храма и дрожал. Дуло его автомата было нацелено в низкое глухое небо. Шел густой крупный снег, и за его завесой ничего не было видно.

– Что произошло? – закричал Владимир Данилович. – Привидение?

Тот нечленораздельно промычал что-то и ткнул пальцем вверх.

– Не оставляй его здесь, – сказал подошедший Сергей. – Не думаю, что ему почудилось...

Владимир Данилович с раздражением дернул плечом и махнул рукой, давая Мише команду следовать за собой.

Они вернулись в храм и взялись за работу. Два тела были снесены вниз, в ледяной подвал. Отец Серафим прочел над ними молитву.

Вернувшись наверх, Сергей подошел к потемневшей, потрескавшейся от времени иконе Сергия Радонежского. Глаза святого взирали строго, но милосердно; лицо его было благообразно и чисто. Правую ладонь со скрещенными пальцами преподобный держал на уровне груди, в левой, видневшейся из-под накидки, был какой-то свиток.

Молитв Сергей не знал, в церковной символике не разбирался. В разговорах с отцом Серафимом, который был его моложе на двенадцать лет, Сергей религиозных тем не касался почти никогда.

Сергей осторожно достал из-под защитного костюма тоненькую короткую свечку, не очень умело сделанную недавно сыном: сложенная втрое черная нитка, облепленная заботливо собранным воском с большой домашней свечи. В кармане брюк нашелся коробок с парой спичек, которые производили в колонии. Капнув воском, он вставил свечку в гнездо проржавленного, покосившегося большого подсвечника, подержал пару секунд, чтобы прикипело. Тонкое пламя горело ровно, без треска и колебаний.

Сергей постоял несколько минут, неловко перекрестился на икону, поклонился, попросил прощения и здоровья для жены и сына. Кинул взгляд на лежащего под саваном Ивана Трофимовича.

– Пожара не будет? – спросил Марат, указывая на свечу.

– Не будет никакого пожара, – убежденно ответил за Сергея отец Серафим. Он быстро надел капюшон со шлемом, затянул лямки.

Пора было возвращаться.

– Оружие держать наготове, – сказал на выходе Владимир Данилович. – Марат, ты с отцом Серафимом. Идем кучно, не отставать, не зевать по сторонам. Скоро начнет смеркаться. Все, парни, ходу.

Сергей с порога оглянулся на Сергия Радонежского. Почему-то хотелось остаться в церкви еще чуть-чуть. Ничего. Скоро, вдруг подумал Сергей, и меня сюда принесут. Меньше года осталось. Будет еще лето, наверное. Сюда, а потом в подвал.

* * *

– Папа идет, – сказал Денис, не отрываясь от тетради.

– Что?

Полина подняла голову: она штопала рубашку сына. Макс в медблоке заснул, а к ней снова пришла боль. И она вернулась домой, к сыну.

– Ты откуда знаешь?

– Мам, не волнуйся, с ним все в порядке. Опасность была, но обошла его стороной.

Она давно заметила эту странность сына среди прочих: отвечать не на поставленный вопрос (тем более когда ему не хотелось на него отвечать, или было неинтересно давать ответ на сказанное словами, или он боялся, что взрослые не поймут), а сразу на следующий, еще не высказанный. Полина знала, откуда у сына эта способность, равно как и другие и... не то чтобы побаивалась их, но относилась... настороженно. За столько лет пора бы привыкнуть. Но давалось это привыкание непросто.

– Встречать пойдем? – спросил Денис.

Найти бы силы, подумала она.

Мужчин, возвращавшихся из рейдов наверх, обязательно встречали. Люди толпились в коридоре напротив выхода из раздевалки, совмещенной с оружейной комнатой (арсеналом) и помещением, в котором костюмы радиационной защиты проходили химическую обработку. В основном здесь собирались родственники и детвора, не занятые в это время уроками, реже – военные, еще реже – чиновники из Совета. Сюда и пришли Полина с Денисом.

Первым дверь раздевалки отворил отец Серафим. Был он в гражданской одежде, бледный. К нему подбежала восьмилетняя дочь Лиза – худенькое создание с серьезным личиком. Лиза с Денисом приятельствовала, но Полина давно обратила внимание, что играм и веселью дети предпочитали молчаливое чтение книжек.

Лиза обняла отца и прижалась к нему, тот погладил ее по голове. Ее мама умерла с год назад, несколько месяцев отец и дочь жили вдвоем, а потом их уплотнили Альбиной, пятидесятилетней поварихой, долгие годы скитавшейся по подвалам и бомбоубежищам окрестных населенных пунктов. Альбина прибилась к одному из караванов, дошла до колонии и упростила оставить ее.

Лиза первые недели игнорировала женщину, продолжая тосковать по матери. Да и Серафим, несмотря на свое человеколюбие и смирение, относился к жиличке без симпатии. Но со временем и отец, и дочь привыкли к тетке Але и даже полюбили ее. Альбина была человеком добрым, открытым и работающим, для каждого у нее находилось теплое слово. В Лизе Альбина души не чаяла. Они и сейчас пришли вдвоем.

Вторым появился Владимир Данилович. Жена и сын редко его встречали, зато Валентин Валентинович – регулярно; он был тут как тут.

– Как там? – спросил Валентин Валентинович. – Пошаливают? – собеседник нехотя кивнул. – Ты видел – кто?

– Парень мой видел. Но с ним попозже... Пусть в себя придет.

Из дверей раздевалки показался Сергей.

– Слава богу, живой... – едва слышно пробормотала Полина.

Денис посмотрел на нее снизу вверх.

– А ты сомневалась? – строго, почти с осуждением сказал он и тут же переключился на отца. – Папка!

Сергей улыбнулся и раскрыл объятия.

Они постояли несколько мгновений втроем, обнявшись. Двинулись по коридору, и тут Сергей увидел Валентина Валентиновича, озабоченного чем-то, даже, пожалуй, сердитого.

– Вы переживали, – напомнил ему Сергей. – Все ведь образовалось, верно? Ни для кого Дина не обуза... Как она, кстати, давно вы ее видели?

– Сам у нее спроси, – сухо ответил Валентин Валентинович и повернул голову.

Проследив за его взглядом, Сергей увидел стоящую в отдалении Дину-дикарку. Теперь она выглядела не в пример лучше: чистенькая, аккуратно одетая... Стояла и смотрела на Полину с Денисом во все глаза.

– Дина! – позвал Сергей.

От его оклика она будто очнулась, глянула на него исподлобья, резко повернулась и скрылась среди спящих людей.

Глава 3

Двух вещей не предусмотрел Создатель, завершая свое творение – наш хрупкий и противоречивый мир.

Не дал возможности людям возвращаться во времени для исправления совершенных ошибок. Пусть бы разрешил отменять только самые тяжкие из них – сколько горя в этом случае удалось бы избежать! Пусть хотя бы давал единственный на всю жизнь шанс: исправил что-то, по твоему мнению, наиболее важное – и все, потом или не совершай, или крепись, другого раза не будет.

Наделил прозорливостью – но единицы, и далеко не всегда достойных. А как было бы хорошо уметь предвидеть!

Сергею довольно было бы последнего качества вдобавок к его осторожности, внимательности, умению анализировать и принимать решения.

Знать бы тогда, когда они с Полиной согласились работать над Возницынским проектом по противодействию облучениям, что так все повернется... Что профессор, клявшийся своим лаборантам: никаких долговременных последствий, существуют лекарства, вы будете у меня как у Христа за пазухой, – подведет. Виноват он? Нет. Никто не мог предусмотреть Катаклизм, никто не успел к нему подготовиться.

И вот они облучились – Сергей и Полина. Они тогда еще не были родителями Дениса, даже мужем и женой не были – просто двумя юными, глупенькими лаборантами, влюбленными друг в друга полудетьми-романтиками, верящими в науку и в своего гения – научного руководителя.

Облучились и обрекли себя.

О своей болезни он сейчас почти не думал. Вернее, думал, конечно, но гораздо реже, чем о Полининой. Месяц назад Хирург сказал:

– Я тебя, Сережа, знаю давно и не собираюсь цирлих-манирлих разводить... С Полей все довольно скверно. Хуже, чем с тобой. У тебя есть еще месяцев шесть-семь. А у нее этого времени нет.

...Ночью Полина опять стонала и металась во сне. Сергей хотел было ее разбудить, но пожалел; вытер со лба испарину, укрыл одеялом.

Утром, собираясь в школу, Денис спросил:

– Мам, а кто такие сироты липецкие?

Полина с Сергеем переглянулись.

– Где ты это слышал, сынок? – спросила Полина.

– Вчера учительница в конце урока сказала: «Кому мы нужны, сироты липецкие...»

– Не обращай внимания, это присказка такая...

– Липецк – это ведь город? – допытывался Денис. – И если там есть какие-то сироты, значит, там живут люди, и не под землей, как мы, а на поверхности!

– В школу опоздаешь, – сухо сказал отец.

Полина уже знала, чем займется сегодня: уберется в их крохотной квартирке, а потом навестит Макса в медблоке. Раненый поправлялся и все время говорил, что, как только станет на ноги, сразу уйдет с каким-нибудь караваном. Остаться в колонии он ни за что не хотел.

И без того тусклое освещение в дневное время в жилых помещениях отключали вовсе, экономили: дети были в школе, трудоспособное население на работах, а больным и старикам – всем, кто лежал по домам, – достаточно было свечей.

Вот и сейчас свет в их комнате погас.

– Ничего, – сказала Полина, – обойдусь керосинкой... Я же у тебя экономная... Ты беги.

У Сергея сегодня день обещал быть напряженным. Через час он должен докладывать на Совете о ситуации в социальной сфере, нуждах жителей, о том, на какие товары следовало обращать внимание при торгах с караванщиками. Доклад вчерне был готов, осталось внести последние правки. Сергей не сомневался, что его выступление вызовет негодование некоторых членов Совета (он уже сейчас видел их раскрасневшиеся, сердитые лица), – о какой социальной сфере вообще может идти речь при нынешних-то обстоятельствах!.. Но к драке он был готов.

В три часа ждали караван, и Сергей собирался присутствовать на торгах.

А вечером... О вечерней работе он старался пока не думать.

Предстояло начать обход жилых помещений и общение с колонистами. Цель – перепись населения, первая за все двадцать лет с момента образования Общины. Также комиссии вменялось в обязанность уточнение обстоятельств жизни людей: для каких семей следует подыскивать более просторное жилье, а кого пора уплотнять. Работенка не из приятных, похуже, чем воевать с Советом.

По результатам переписи и общения с колонистами он должен будет готовить второй доклад, но это в будущем.

Сергей направился в крошечную комнатку-кабинетик, примыкавшую к Залу, чтобы просмотреть записи к докладу.

* * *

Макс сидел на постели и разглядывал свои руки.

– Здравствуйте, – сказала Полина. – Вижу, вам с каждым днем все лучше...

– Доктор сегодня сказал то же самое. Он был настолько убедителен, что я после его ухода даже попытался отжаться...

– Мне кажется, вы торопитесь, – сказала она, присаживаясь на колченогий стул у стены.

Макс взглянул на нее.

– Я здесь месяц, – сказал он жестко. – Это непозволительно долго. У меня есть задание, которое я должен выполнить.

– Какое? – тут же спросила Полина, не в силах перебороть любопытство, но Макс оставил ее реплику без внимания и продолжал:

– Мне давно следовало уйти, но... Я не смог, меня зацепило... Слишком сильно. Хирург сказал, что яд этих тварей со стопроцентной вероятностью должен был меня прикончить. То есть, когда меня притащили караванщики Джедая, я был не жилец. Кстати, Джедай больше не навещался?

– Нет, – ответила Полина, припоминая ту ночь и силуэт сына, привидевшийся ей в коридоре. – Он заглядывает к нам не чаще трех-четырех раз в год. Вам еще повезло, что вас нашли именно его люди. Были бы другие, не стали бы возиться.

– Я это понимаю. Хотел поблагодарить. Но ждать его так долго не стану, уйду раньше – с другим караваном или один. Правда, – он горько усмехнулся, – произойдет это не завтра, потому что моя утренняя попытка размяться окончилась плачевно.

– Я принесла вам лепешки, – сказала Полина и протянула кулек, который держала в руках. – К сожалению, они холодные... Вчера я работала на кухне, испекла и несколько штук забрала для вас. Ничего особенного, но все, кто пробовал, – хвалят. Льстят, конечно, не хотят огорчать, и все равно приятно.

Лицо Макса смягчилось, он взял кулек, развернул, понюхал.

– Ммм, волшебного пахнет... Домашнее – так это называется. Последний раз я ел домашнее давно, год назад, а может, и больше. В Москве, в метро, на станции «Площадь Ильича». Главой медслужбы там был мой давний знакомый Эдик Возницын, так вот он...

Полина вздрогнула.

– Как вы сказали? Возницын? Эдуард Георгиевич?

– А вы его знали?

– *Ничего, Скобликова, потерпи... Ничего... Сейчас вколем препарат – отпустит... Не бойся-не бойся! Ничего не будет. Я же обещал вам! Препаратов хватит до конца жизни. Будете у меня, как у Христа за пазухой! Наука не забудет...*

Слова никак не хотели складываться.

– Если это он... Эдуард Возницын очень давно, до Катаклизма, руководил...

– ...закрытой лабораторией, находившейся в ведении Министерства обороны, – подхватил Макс. – Там проводились эксперименты в области сопротивляемости облучениям. Село Яшкино, под Ногинском-двадцать три.

Она увидела себя лежащей на застеленной белым кушетке. Руки и ноги скованы и нестерпимо зудят; очень хочется почесаться, но нельзя.

И свет. Яркий свет. С того времени она никогда больше не видела такого яркого света.

– *Эдуард Георгиевич, в районе паника... Идут разговоры, что не сегодня завтра вводится войска... В этом случае выезд станет крайне затруднен... если вообще возможен.*

– *Я не бросаю своих людей. Скобликова все еще плоха. Коломин тоже, как ты знаешь, не краше...*

– *Эдуард Георгиевич!..*

– *Свободен. И прошу докладывать мне только проверенную информацию.* – Возницын внезапно перешел на крик, что позволял себе крайне редко. – *Слышишь?! Проверенную!!! Уровень «идут разговоры», «не сегодня завтра» меня не устраивает! С точностью до часов!*

Он наклонился над Полиной, заслонив свет.

– *Не волнуйся, девочка. Все будет хорошо...*

Она почти не могла говорить, только хрипела, да и зрение пошаливало: окружающее виделось размытыми цветными пятнами.

– *У нас... все... по плану?..* – *прошестела она, чувствуя, как много сил уходит на фразу, и боясь, что, если он не поймет, повторить она уже не сможет. Но он понял.*

– *Все по плану!* – *бодро сказал Возницын.* – *И у тебя, и у Сергея все будет хорошо. Я вас вытащу... Я своих не бросаю.*

– Я думала, его нет в живых, – сказала Полина.

– Жив, и прекрасно себя чувствует. – Макс с интересом наблюдал за ней. – Похоже, воспоминания не доставляют вам...

– Не об Эдуарде, – отрезала Полина, – о том, что тогда случилось.

Макс откусил кусок сдобной лепешки и пожевал, пробуя.

– Божественно... Старшая дочь Эдика, Маша, пропала во время Катаклизма, а младшая живет в метро. Она пробовала себя на ниве кулинарии. Но ваше произведение с ее потугами не сравнить.

– Макс, а Возницын рассказывал какие-нибудь подробности о своей прежней работе?

– Он не любит об этом говорить.

– Еще бы! – Она не сдержалась.

– Полина, готовится наша эвакуация. Возницын говорит, что место надежное. Препарата оставит достаточно, чтобы мы окончательно поправились... Если его не хватит, обещал прислать еще.

– А он сам куда?

– Говорит, прорываться в Москву. Когда все закончится, обещал забрать нас.

– Ты ему веришь?

Сергей пожал плечами.

– Я никому не верю... Кроме тебя.

– Сережа, мне так страшно...

Он обнял ее.

– Я с тобой.

В комнату вошел Возницын, одетый в камуфляжную форму с погонами полковника. На плече висел короткий автомат.

– Сергей, Полина... Час на сборы. Поедем в Институт.

– Стало быть, – сказала Полина, выныривая из воспоминаний, – Возницын в Москве, в метро, на станции «Площадь Ильича».

– Некоторое время назад был там, – сказал Макс. – Нормальная станция на нормальной ветке метро. Получше, чем многие, хотя, например, о «Новогирееве» распускается много лживых слухов. А уж про «Авиамоторную»! Слышал, что там чуть ли не чума... Какая там чума, если Эдик там медициной занимается...

– Я пойду, – сказала Полина, – а вы отдыхайте, набирайтесь сил и не переусердствуйте с упражнениями. Наверху настоящая зима, один вы вряд ли уйдете далеко, а с караваном... Нужно дождаться каравана, с которым вам будет по пути. И потом – захотят ли они взять вас с собой?

* * *

Члены Совета переговаривались шепотом, но Сергей отчетливо ощущал напряжение, сгустившееся в Зале. Он видел, какие взгляды бросали в его сторону иные недоброжелатели. А вот Петр Савельевич занял хитрую позицию: он не участвовал в обсуждении доклада своего любимца, лишь с любопытством поглядывал по сторонам колючими глазками из-под кустистых бровей.

Первым слово взял Аркадий Борисович – банкир с душонкой торгаша. Как и Валентин Валентинович, Сергея он не любил, считая выскочкой и нахлебником, но чувства свои, в отличие от коллеги-военного, скрывал под маской добродушия и фразочками с подтруниванием.

– Сереж, я ни хрена не понял. Извините, Петр Савельевич. Ну, действительно... Какой досуг, кому он нужен? Хор, кино... Ты бы еще театр придумал с двумя составами трупы: сегодня играет одна половина населения, вторая приходит на них смотреть, назавтра они меняются. Курам на смех.

Сергей молчал, решив послушать всех.

Выступил литератор Дима.

– Да нет, предложение интересное, видно – человек болеет за дело... Правильно, колонисты не роботы, живые люди. Но во-первых: кто всем этим будет заниматься?

Было и во-вторых, и в-третьих... Сергей все молчал.

Говорили кто с непониманием, кто с откровенным неприятием, кто с насмешкой. Отец Серафим отмолчался, поглядывая на Сергея с сочувствием. Когда возникла пауза и стало ясно, что от Сергея ждут ответа, он начал – медленно, без заготовки. Произнес длинный и яростный монолог в защиту не столько своего доклада, сколько людей, оставшихся в живых

в это страшное время и брошенных в большой подвал, еще каких-то двадцать лет назад вовсе не пригодный для жизни и работы. Многие из них лишены возможности видеть не только солнце (его не видели даже те, кто выходил в рейды в город или выносил покойников, а родившиеся в колонии дети представляли, как оно выглядит, только по рассказам старших), но даже небо в нынешнем его неприглядном виде. А между тем: имеется кинопроектор, принесенный одним из беженцев пять лет назад, – его лишь следует отремонтировать! Фильмотека довольно большая, да ее можно и пополнить... Люди станут смотреть кино! Читальный зал – книг достаточно... Тематические вечера... Хор! Все это реально, если просто перестать видеть в колонистах рабочий скот, животных. Они и так сами о себе говорят, как о крысах, навсегда погребенных под землей. Дайте им глоток воздуха, пусть суррогатного – но надо же с чего-то начинать! Вот библиотека рядом – можно ведь книги принести! Хорошо было бы тут устроить, конечно, Ленинскую библиотеку! Да, мы все понимаем, что это невозможно, я этого и не прошу! Но ведь не хлебом единым!

Говорил резко, короткими, рублеными фразами. Члены Совета мрачнели: многие понимали его правоту; но в то же время так не хотелось позволить людям еще что-то, кроме работы и миски похлебки в общей столовой, особенно если они сами об этом не просят, а существующий порядок заведен давно, зачем что-то менять? Вдруг еще чего захотят помянуть в укладе здешней жизни? Сначала он хор, а потом подпольная ячейка...

– Решать вам, – сказал Сергей. – Но я... с удивлением... отмечаю, что наш Совет – тугодум и упрямец... Будь моя воля – устроил бы перевыборы и погнал вас всех к чертовой матери.

* * *

– Так и сказал? – Она смотрела на него с испугом, восторгом и недоверием.

Он выпятил грудь и хотел было опять начать хвастаться, но Полина вдруг сморщилась, согнулась, схватила за живот, задержала дыхание... Сергей метнулся к ней, усадил на постель.

От боли ей хотелось кричать, только огромным усилием воли она сдерживалась: понимала, что напугает мужа, а еще больше – сына, который, сделав уроки, прилег с книжкой и задремал под тусклым светом керосинки.

Сергей сидел рядом и гладил жену по волосам. Лекарства, оставленные Возницыным, расходовались бережно, в минимальных дозах... но они закончились. А новые так и не поступили. Первое время Сергей расспрашивал всех кого мог – караванщиков, беженцев: не знают ли они такого Эдуарда Георгиевича Возницына, не встречали ли... Никто о нем не слышал.

Препараты дали довольно длительный, в несколько лет, период ремиссии, когда казалось, что болезнь отступила навсегда. Родился и рос Дениска, мальчик не по годам смысленный и развитый, жизнерадостный; болел мало, рано начал ходить и разговаривать, родители не могли нарадоваться.

Потом боль вернулась, но унять ее стало нечем. Сергей, пострадавший чуть меньше Полины – женский организм оказался более восприимчив к последствиям облучения, – страдал реже, но и он ощущал, что финал близок... Только очень страшно было оставлять Дениса.

Полина начала дышать – сперва часто-часто, но постепенно спокойнее.

– Мир невероятно тесен, Сережа... – сказала она, глядя на него красными, больными глазами, в которых стояли слезы. – Сегодня я проводывала Макса. И как ты думаешь, о ком он мне рассказал?

Он беспомощно пожал плечами.

– Возницын. Жив.
– Не может быть...
– Руководит медслужбой... на одной из станций метро в Москве, – переводя посреди фразы дыхание и виновато улыбаясь, сказала Полина.

Вот оно!

Надежда. Шанс. Крошечный, один из тысячи, один из ста тысяч.

Человек, который может... Мог бы их излечить. Да пусть даже просто дать им отсрочку! Пусть хоть еще три года. Пусть хоть год! Дениска подрастет... Он, Сергей, это увидит. Полина не так мучаться будет. Еще несколько лет жизни!

А ведь он думал, что уже смирился. Считал это неизбежностью. Только что ведь думал, что через год сам ляжет в церкви под образами – холодный, твердый. И вроде бы ничего внутри не колыхнулось.

О том, что Полину ему придется нести наверх еще раньше, если силы будут, он вообще запрещал себе думать. Как будто, если не думать о том, что скоро не станет любимого человека, это избавит его от болезни.

Он видел, как сдала Полина за последние месяцы, стала похожа на тень, почти не ест. Сергей гнал худые мысли, но деться от них было некуда: жена умирала.

Смирился. Но теперь...

Если только Макс не соврал насчет Возницына, он, Сергей Коломин, пойдет на что угодно, лишь бы добыть лекарства...

Стоило малейшей надежде появиться – как все снова поменялось. Загорелось что-то в груди.

В метро? Значит, надо идти в метро.

Плывать на опасности. Плывать на то, что по пути можно сдохнуть. Ведь если есть этот шанс – спасти жену и самому спастись, – нельзя им пренебречь! Преступно! Надо цепляться.

Добраться до Москвы, до метро – хотя с караванами, хоть одному, найти Возницына, призраком из прошлого возникнуть на его пороге... Думали, умерли мы? Нет... Живые. Должок за вами.

– Опаздываешь на торги, – напомнила Полина.

– Караван давно здесь, – сказал он безразлично. – Плывать. Я тут, с тобой. Мне это важнее...

– Не пойдешь?! – блекло удивилась она.

– С тобой побуду. Ты приляг... Хочешь пить?

– Там оставалось немного морковного сока... Правда, Денис проснется, попросит...

– Захочет – займу у соседей. Боль отпустила?

Она кивнула, стараясь выглядеть как можно убедительнее. Врала.

– Сережа... А было бы здорово, а? Пойти в Москву. Найти... Эдуарда. А больше всего я бы хотела... К Библиотеке. К Ленинке. Хоть бы на секундочку посмотреть... Вылечиться и посмотреть. Вспомнить. Как все было в тот день... Ты помнишь?

Сергей принес ей сок, помог лечь, укрыл пледом.

– Конечно. Конечно помню.

– Было бы здорово, да?

– Мы... Давай так и сделаем, а, Польша? Ты сейчас сил наберешься, будет тебе получше,ждемся каравана, двинем в Москву... И первым делом – туда. В Полис. К Ленинке. Сейчас, говорят, она называется Великой Библиоткой...

– Обещаешь?

Полина закрыла глаза и, уткнувшись в его плечо, задышала ровно с редкими, едва слышными постанываниями.

– Обещаю.

Через три дня, думал он.

Господи, пошли еще три дня...

Я отпрошусь с работы в теплицах, наведаюсь вместе с Полиной к этому Максу и выпрошу у него все, подробно. Если врет – обязательно почувствую. А если нет... Мне бы еще три дня...

Господь не слышал.

* * *

Стараясь не побеспокоить чуткий сон Полины, он поднялся, прошел к кровати сына и несколько минут постоял над ним, не шевелясь, глядя на светлые взъерошенные вихры.

Знает ли он, что творится с его родителями? Догадывается ли? Бедный парень... На кого оставить, когда придется уходить?

Денис спал. Он всегда легко засыпал и легко просыпался. Сегодня во сне он не видел девочки с веснушками, которую уже считал своей хорошей знакомой; пустые комнаты и коридоры с серыми стенами, в которых он иногда оказывался и которые его так пугали, были подменены чередой быстро сменяющихся друг друга сюжетов, а то и просто нелепых разноцветных пятен. Вот они с отцом и двумя незнакомыми мужчинами, одетые в защитные плащи с капюшонами и масками, идут куда-то, но не под землей, а по поверхности, проваливаясь по колено в рыхлый снег... И тут же он перемещается куда-то в иное место и как будто бы чужими глазами видит светлый, летний мир. Жаркий день; он идет по двору в сторону большого красного кирпичного здания. Пара собак развалилась на траве в тени деревьев – бока их тяжело вздымаются от жары. Больше ни души вокруг. Денис (или другой человек, глазами которого мальчик смотрит) подходит к зданию, которое вдруг расплывается бесформенным рыжим пятном... и тут же сам Денис оказывается на ступеньках, ведущих вниз, перед большими чугунными воротами. Рядом – сильный мужчина в костюме и шлеме, он поддерживает отца. Отец ранен или болен. А перед ними внезапно вырастает грозная фигура с автоматом. Автоматчик требовательно спрашивает: «Кто такие?! Откуда?!»

Мама, хочет спросить Денис, где мы?..

И просыпается.

* * *

– Петр Савельич недомогает, – делано вздохнул Аркадий Борисович. – Я за него.

– Мне нужно... В метро. – Сергей поднял на него взгляд. – В Москву. Срочно.

– Батюшка! Так у тебя же перепись твоя начинается! Сколько ты у нас требовал ее провести? Сколько людей готовил? Давай! Люди ждут! Приступай! А ты в Москву собрался... – Аркадий Борисович улыбнулся иезуитски.

– Ты не понимаешь, что ли? – У Сергея даже волосы на руках поднялись от волчьей ненависти. – Мне надо! Жене лекарства!

– Я тебе вот что скажу, – улыбка мигом пропала с губ банкира. – Совет тебя не отпустит. Вот закончишь перепись свою, которой ты нам весь мозг достал за последние годы, – и иди тогда. На все четыре стороны. Кроме тебя, никто эту перепись проводить не будет. Уйдешь без разрешения – обратно не пустим.

– Сделаю, – сдался Сергей. – Сделаю и пойду.

Многих жителей колонии Сергей знал давно и с разных сторон; истории их были ему хорошо известны, но ситуация и его роль в ситуации заставляли задавать вопросы и выслушивать ответы и рассказы, которые сам он мог продолжить с любого места.

Зиночка, попавшая в колонию двухлетней и не помнившая жизни до Катаклизма, за двадцать лет жизни здесь научившаяся быстро и без ошибок писать, стенографировала ответы. Зина работала в микроскопическом комитете по социальной работе, которым руководил Сергей, и была тихо влюблена в шефа. Всего комитет состоял из трех человек: Сергей, Зина и Нина Петровна; впрочем, от других работ их никто не освобождал – комитет был скорее общественной нагрузкой.

Эту перепись Сергей давно хотел провести – колонии она была нужна как воздух, – но и боялся: врожденная деликатность делала обход колонистов со всеми их бедами, склоками, слезами настоящей мукой.

Летом этого года общая численность населения колонии перевалила за шестьсот человек – сумасшедшая цифра при очень скромных жилых площадях.

В последнее время прирост был почти нулевым: на одну смерть в среднем приходилось одно рождение; приходящие извне, что случалось крайне редко, также уравнивались покойниками или сами вскоре помирали. Молодые девушки, находя партнера, рожали неохотно. Совет ратовал за предохранение, дабы впоследствии не было необходимости прибегать к абортам: инструменты и обезболивающее имелись в наличии, но, при нынешних условиях, прерывание беременности нередко вело к бесплодию. Церковь в лице отца Серафима часто выступала на заседаниях Совета с обличающими безбожниц речами, требуя запретить аборт и предохранение, но члены Совета больше всего боялись демографического взрыва, который в условиях жизни колонии проявился хотя бы малюсеньким увеличением рождаемости; священника выслушивали с бесконечным терпением, но все оставалось по-старому.

В этих условиях ситуация с расселением была в некоторых случаях несправедливой: небольшие семьи могли проживать в крупных боксах, и наоборот – более многочисленные группы ютились в крохотных комнатухах, используя каждый полезный квадратный сантиметр. Ситуацию следовало выравнивать. Кроме того, пришла пора обновить списки колонистов, зафиксировать, сколько тут проживает мужчин и женщин репродуктивного возраста, а сколько стариков. Сколько детей, сколько кормящих матерей, и даже (попробуй, дознайся) беременных, и кто на каком сроке.

Все это была работа, с учетом полноценной каждодневной занятости членов комитета на других участках, не на одну неделю.

Но у Сергея этого времени не было. Работал вместо сна, вместо еды, старался пораньше сбежать с работы. Закончить перепись – и в дорогу. Успеть бы...

Последний раз нечто подобное затевалось десять лет назад, но быстро заглохло: Совет посчитал, что отнимается время от более важных дел, да и люди стали возмущаться, что их беспокоят в отведенное для законного отдыха время.

Однако на сей раз Сергей, считавший, что без демографической картины колония развиваться не сможет, своего добился. Начали с того, что развесили на стенах столовой и коридоров плакаты (один из колонистов имел каллиграфический почерк): «Специальным указом Совета Общины уведомляем...» Плакаты висели уже месяц, так что население не только ознакомилось, но и успело свыкнуться с мыслью, что через процедуру переписи придется пройти. Можно было надеяться, что возмущений по поводу беспокойства в личное время окажется меньше.

Ибо других тем для резких высказываний колонистов было предостаточно.

Сергей знал, что военные и ученые, как правило, не ропшут. Их он оставил напоследок и начал с других категорий жителей. И сразу по плечи утонул в болоте стонов, жалоб, трагических историй, просьб, требований, рыданий и ругательств.

Такова уж природа человеческая, думал он, выслушивая очередного колониста, меряя помещение и время от времени переглядываясь с Зиной, фиксирующей необходимые

данные. В любых обстоятельствах, даже нынешних, на грани выживания: продолжать интриговать, воевать, стремиться оговорить, оболгать, пихнуть в спину ближнего своего – лишь бы удержаться самому, урвать лишний кусок. Сосед наговаривал на соседа за стенкой, но и тот не оставался в долгу; семья во что бы то ни стало стремилась избавиться от подселенного старика, тот упирался и плакал; взрослый сын жаловался, что мать совсем уже плоха, просил забрать ее в медблок и больше не возвращать, пусть там и умирает.

Людей следовало уговаривать, пытаться мирить, обещать невыполнимое, сулить чудесное – например, скорое расселение и увеличение пайка. На самом деле, второго ждать не приходилось, а на первое надежда была – но не скоро и не для всех. Работы по проектированию новых жилых помещений внутри подземных уровней института отодвигались до весны.

Принимая на себя потоки негатива, Сергей и Зина успевали задать необходимые вопросы, выслушать и записать ответы, снять замеры и найти нужные слова. Для каждого – свои, особенные, личные: шаблоны и штампы здесь не работали, в этом Сергей убедился еще десять лет назад, во время первой переписи, когда казалось, что вот-вот мир воскреснет.

Бывали исключения. Попадались спокойные, тихие колонисты, с готовностью отвечавшие на вопросы, в целом довольные и своей жизнью, и руководством Общества. Мужчины и женщины разных возрастов смотрели сухими, покорными собачьими глазами и молча кивали, когда Сергей высказывал осторожную мысль о том, что, возможно, придется потесниться. Они были сломлены. В их сердцах он видел боль, понимал, насколько они несчастны, но ничего не мог для них поделать – лишь благодарил их про себя за то, что они не терзают его и Зиночку.

Прошел один тяжелый вечер переписи, потом второй. А на третий он увидел Дину.

Увидел сразу, как только вошел в очередной жилой бокс. Она сидела, поджав ноги, на крохотной, аккуратно застеленной кушетке и смотрела на него исподлобья. Несомненно, она его узнала. И он узнал ее. Но почему она здесь, ведь Сергей устраивал ее совсем в другую семью!

Колонисты – муж, жена и двенадцатилетний сын – отвечали на вопросы обстоятельно, жаловались умеренно (в основном на плохое питание) и производили впечатление людей здравомыслящих и миролюбивых. На осторожный вопрос Сергея, как к ним попала женщина по имени Дина, хозяин отвел его в сторону и поведал, что сам предложил ей пожить у них, так как несколько дней назад она вторично осталась без жилья и ночевала то в теплицах, то в столовой на цементном полу.

– Что значит – вторично? Что значит – без жилья? – Эта информация Сергея потрясла; с подобным беспределом ему сталкиваться не приходилось. – Месяц назад, или чуть больше, я поселил ее...

– Всех подробностей не знаю, – сказал мужчина, смущенно почесывая живот через теплую, старенькую, темно-синюю фуфайку, – но слышал, что она со странностями. И от предыдущих соседей уходила то ли сама, то ли они ее... выставили... Вела себя неадекватно, вот и...

– Выставили?! – задохнулся Сергей. – Но почему никто не сообщил?!.. Как можно с живым человеком!.. – Ему захотелось не медля бежать разбираться в ту семью, куда он привел и поселил Дину в ее первое утро в колонии.

– Вот и я подумал, – снова перебил колонист. – Забрал ее. Но, знаете... С ней действительно... В общем, – он понизил голос, – она считает, что наш Лешка – это на самом деле ее сын, Руслан. Зовет его Русиком, говорит ласково, а однажды, когда жена что-то строго ему сказала... уроки он не доделал или еще что... Дина зашипела на нее – так страшно, я даже вздрогнул. Мы, Сергей, люди спокойные и миролюбивые, но, если так пойдет дальше... Она ведь может Лешку напугать, на жену броситься. Что у нее на уме?

– Могу я надеяться, – осведомился Сергей, – что, когда вам станет с ней неважно, вы придете ко мне, а не вынудите эту несчастную спать у теплиц, на земле, или на цементном полу в столовой, как это сделали ваши предшественники?

Мужчина совсем стушевался, яростно чесанул пузо и кивнул угрюмо.

Сергей мельком глянул на Зиночку – она всю общалась с женой хозяина и ее сыном, задавала вопросы, быстро записывала ответы – и решительно направился к Дине.

При его приближении она вся подобралась и еще ниже опустила голову, спрятав лицо за густыми черными волосами.

Он подошел, постоял в нерешительности, потом присел на край кушетки на расстоянии от нее. Помолчал. Он собирался ее расспросить, понять, что происходит... Но вдруг подумал, что отвечать Дина не станет. Во всяком случае, сейчас. Ничего, подумал он, время терпит. Обязательно поговорю с ней, все выясню и приму решение.

– Не волнуйся, Дина, – сказал он мягко. – Все поправимо. Я больше не дам тебя в обиду.

Она медленно подняла голову, намереваясь что-то сказать...

Но тут в боксе произошло движение.

– Папа.

Сергей резко повернулся и вскочил.

У двери стоял Денис – в свитерке поверх пижамы и в незашнурованных ботинках. Его лицо было искажено.

– Денис?! Ты что здесь?! Ты как? – Он хотел пойти к сыну, но что-то ему мешало, будто возникла невидимая стена.

Ладонки мальчика были сцеплены в замок впереди, а сам он дрожал крупной дрожью и никак не мог успокоиться. Разговоры замерли; все присутствующие смотрели на ребенка.

– Как ты меня нашел?

– Папа. Мама умирает.

Глава 4

Полина умерла на руках Сергея в медблоке шесть часов спустя. В сознание она так и не пришла. Но в бреду все повторяла: «Обещаешь? Обещаешь?»

Следующие семь дней превратились для Сергея в вязкое ничто; он не жил, даже не существовал, плохо понимал, что происходит вокруг, с трудом узнавал людей. Будь у него возможность – он бы запил; а так, получив в руки принесенную зашедшим выразить соболезнование Петром Савельевичем бутылку старого коньяка из личных запасов, немедленно, не говоря ни слова, откупорил, принял к горлышку, вылакал в несколько больших глотков, в первый момент не почувствовав ничего, кроме головокружения, жара и легкой рези в желудке, а несколько минут спустя вырубился.

Перенеся ее в медблок, неверяще, с мертвенным отупением смотрел на нее все последние шесть часов, пока вокруг суетились Хирург и Яков, пытаясь что-то сделать. Слез не было. Был ужас.

Слезы пришли потом – когда стало ясно, что помочь нельзя. И он держал Полину на руках, тихую, почти невесомую, что-то тихонько пел ей сквозь сдерживаемые рыдания – то ли прощальную, то ли колыбельную, прижимал к себе, словно стараясь отдать ей свое тепло и тем самым попытаться спасти.

Двадцать лет – как один день. Как мало они были вместе!

И так нечеловечески обидно, что не смог спасти, не успел! Угасала на его глазах, не жаловалась, а он успокаивал себя, что есть еще время! Потом с этой переписью идиотской затеялся... И не успел.

Тоска и горечь сжигали его изнутри.

Никакими слезами было не затушить этого пожара.

Сергей не пошел хоронить Полину.

Просто не смог себя заставить.

В какой-то момент подумал, что не вернется из церкви, просто останется там с ней.

Зашедший к нему по возвращении с похорон отец Серафим бубнил что-то о душе, о памяти, о вечном упокоении. Слова говорил правильные, но Сергея они не достигали. Коломин сидел на постели неподвижно, обросший, поседевший за ту ночь, когда она умирала, и глядел в одну точку. С момента смерти Полины никто, в том числе сын, не услышал от него ни слова. Когда его утомил поток непонятных слов, произносимых добрым и правильным отцом Серафимом, он поднял голову... и под тяжелым мертвым взглядом молодой священник смешался, умолк, торопливо попрощался и ушел.

Сергею было не просто плохо. Он погибал. Он торопился за женой.

Денис тоже переживал, но по-своему. И мальчик удивительным образом сумел с самого начала взять себя в руки. Он сам себе стирал и, как умел, готовил завтраки; без малейшей помощи со стороны отца, прилежно и внимательно делал уроки. Денис всеми силами старался отвлечь себя от страшного ощущения потери самого близкого человека.

С отцом он ничего не мог поделать, хотя и прикладывал много усилий. Все было напрасно: Сергей оставался непробиваем.

В медленном угасании шли дни. Сергей пропустил три каравана, в торгах с которыми обязан был участвовать; о прочих работах не приходится говорить. Он сорвал перепись: без него процесс остановился. Все вместе это было уже очень серьезно. Валентин Валентинович, явившийся вечером шестого дня, говорил с возмущением и напором, вызывая к разуму коллеги. Мы понимаем, у вас горе, Сергей Дмитриевич, Совет как бы соболезнает, но нельзя же так опускаться! От вас зависит множество людей! Совет рассчитывает... рассчитывал на вас, дав серьезное, большое, ответственное задание, выполнение которого может повлиять

на жизнь всей колонии! Вы же сами и обратились с инициативой, мы поверили, включили в планы... А вы бездарно провалили задание! Вы никогда прежде не давали повода думать о вас, как о слабом человеке. В вас всегда чувствовался стержень! Куда все подевалось? Вы разочаровали нас, Сергей Дмитриевич, нет слов, чтобы выразить, как вы нас разочаровали.

Валентин Валентинович говорил еще некоторое время. За его спиной удерживал скорбную мину хитрец Аркадий Борисович. Денис сопел в углу и делал вид, что читает. Ответом гостям было молчание. Трудно сказать, слышал ли и понимал ли их Сергей вообще. Ругаясь сквозь зубы, Валентин Валентинович ушел. Аркадий Борисович кивнул печально, но в коридоре тут же послышался его смех.

На девятый день произошло сразу три события, которые силком вернули Сергея в жизнь. Утром он еще неуклюже ворочался в постели, не желая подниматься, когда явился первый гость.

Сначала послышался его голос.

– Н-да... А меня уверяли, тут в живых никого не осталось... Но я решил самолично удостовериться.

В бокс ввалился бритоголовый здоровяк.

В чем-то старом вытертом свитере, налезшем с трудом и едва прикрывавшем пупок, джинсах (похоже, женских), нормально сидевших на бедрах, но с трудом достававших до щиколоток, и больших поломанных пластиковых шлепанцах на босу ногу – Макс произвел удивительное впечатление. Он вошел и словно бы раздвинул плечами стены каморки.

Сергей приподнялся и сел на постели. Поскольку был выходной, Денис находился дома; он перестал играть в своих деревянных солдатиков, подаренных одним местным умельцем, и уставился на гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.